

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ТИПОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2020 г. Е. Степанова

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна, доктор политических наук, профессор РАН,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (stepanova@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 03.02.2020.

На основе анализа ведущих международных баз данных предложена типология вооруженных конфликтов начала XXI в. Их основными видами являются локальные конфликты на периферии дееспособных государств, широко интернационализированные, интенсивные гражданские войны в ослабленных государствах и негосударственные конфликты. К началу 2020-х годов конфликты последних двух из этих трех видов находились на подъеме. К другим серьезным вызовам можно отнести рост роли вооруженных негосударственных игроков, сочетание фрагментации и транснационализации конфликтов, а также их участвовавшее возобновление на фоне преобладания неявных исходов.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, потери убитыми в ходе военных действий, локальные периферийные конфликты, интернационализированные гражданские войны, негосударственные конфликты и акторы, фрагментация, транснационализация, возобновляемость конфликтов, неявные исходы, базы данных.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39

Определить основные направления трансформации вооруженного насилия в современных конфликтах в глобальном масштабе, — как и выявить какие-либо объективные общемировые тенденции в этой сфере, — можно только опираясь на статистику ведущих баз данных в этой области¹. Любой критический анализ материалов ведущих академических баз данных по конфликтам должен учитывать методологический крен, свойственный командам убежденных неопозитивистов, которые формируют эти базы и составляют небольшое, хотя и влиятельное меньшинство в современной конфликтологии и в исследованиях проблем мира, войны и безопасности. Они уделяют подчеркнутое внимание номотетическому подходу², а также почти исключительно — количественным методам анализа [1; 2; 3; 4]. Такая методология имеет как сильные, так и слабые стороны, не может претендовать

на эксклюзивность и дает наилучшие результаты лишь в сочетании с другими методами [5]. В любом случае исследования на основе баз данных — это лишь один из возможных углов зрения на социальную реальность, который позволяет решать ограниченный круг исследовательских задач³. Однако одна из таких задач как раз связана с выявлением и фиксированием долгосрочных тенденций на макроуровне (особенно в глобальном масштабе), а также возможностью сравнить ситуацию в разных регионах и контекстах по объективным показателям и получить определенный срез, в том числе по конфликтам и иным формам вооруженного насилия, для конкретного временного периода.

В данной статье тенденции в области вооруженного насилия и конфликтов начала XXI в. подразделяются не столько на однозначно негативные или позитивные, сколько на старые и новые вызовы. В их анализе не избежать краткого обзора ряда параметров, связанных со старыми вызовами — уходящими в прошлое войнами индустриальной эпохи с присущими им масштабом, интенсивностью, структурой потерь и составом участников. Однако наибольший интерес представляют основные типы современных конфликтов и новые тенденции в во-

¹ Вычисления в статье сделаны на основе статистики девяти баз данных Программы данных о конфликтах Уппсальского университета, Швеция (*Uppsala Conflict Data Program*), Института исследования мира в Осло, Норвегия (*Peace Research Institute, Oslo*) и Национального консорциума исследования терроризма и антитерроризма при Университете Мэриленда, США (*National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism*). Также используются статистика населения мира ООН и данные Глобального индекса терроризма (*Global Terrorism Index*).

² Этот подход постулирует необходимость выявления четких, универсальных, эмпирически доказуемых закономерностей в общественных науках, приближающихся к тем, которые выявляются точными и естественными науками. Он состоит в выдвижении обобщающих гипотез, претендующих на роль закономерностей в рамках формальной теории, и их верификации.

³ Среди других возможных углов зрения в сфере изучения вооруженных конфликтов — например, подходы, отдающие приоритет исследованию проблем идентичности, идей, убеждений, ценностей, идеологий, восприятия и т. п. (доминирующие, в частности, среди теоретиков “новых войн” [5; 6; 7]). В изучении этих аспектов, а также многообразия контекстных условий и причин вооруженных конфликтов количественный анализ на основе баз данных может служить лишь подспорьем.

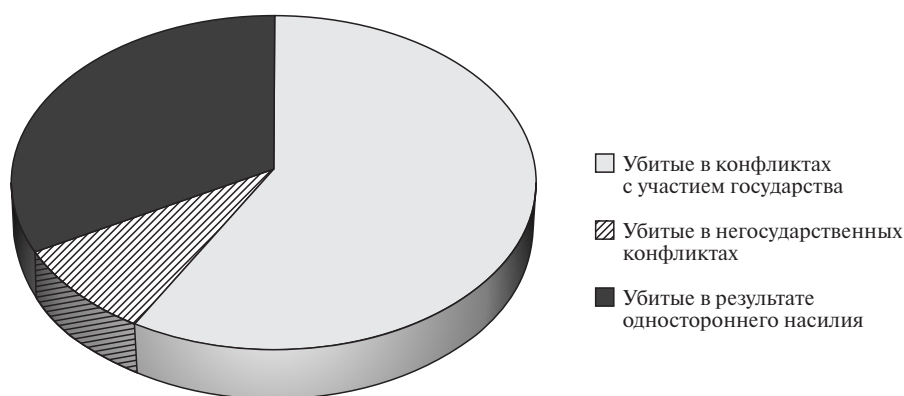
оруженном насилии в контексте этих конфликтов – те, которые либо не были на первом плане, либо не имели аналогов в XX в., но распространяются или даже становятся нормой в начале XXI в.

СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ: КРУПНЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ

Наиболее интенсивный вид вооруженных конфликтов – это конфликты с участием государства в качестве хотя бы одной из основных сторон. За 30 лет с 1989 г. на такие конфликты – в основном в Африке, Азии и на Ближнем Востоке – пришлось 58%, или свыше 1.4 млн из более 2.4 млн всех убитых в результате политического насилия в мире (рис. 1).

В 2015–2018 гг. конфликтов с участием государства (государств) в мире было 50–53 в год [11].

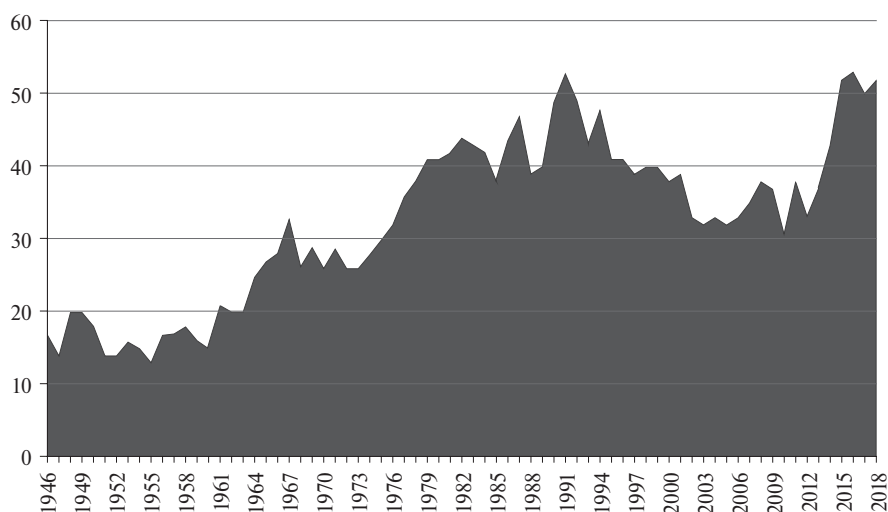
Это чуть больше, чем 30 лет назад, на предыдущем пике их числа, который пришелся на 1990–1992 гг., то есть на период распада биполярной мировой системы (рис. 2). Последовавшее за этим десятилетие сокращения числа конфликтов – на 40% с начала 1990-х годов до 2003 г. [11] – вызвало неподдельный энтузиазм со стороны ряда исследователей и публицистов, в основном неолиберальной или прогрессистской ориентации, которые усмотрели в нем признак наступления всеобщего мира [12; 13], своеобразную проекцию идеи “конца истории” Ф. Фукуямы [14] на сферу войны и мира. Энтузиазм, как водится, разбился об объективную реальность. В первые два десятилетия XXI в. число конфликтов в основном уже росло, достигнув нового пика в 2015–2018 гг., в совокупности самого высокого за период с 1946 г. [11].

Рис. 1. Потери убитыми, по типу организованного политического насилия, 1989–2018 гг.

Примечания. Расчеты произведены, исходя из консервативной оценки числа убитых в результате геноцида в Руанде 2004 г. – крупнейшей кампании одностороннего насилия против гражданского населения за рассматриваемый период (500 000 человек).

Рассчитано автором по: [8; 9; 10].

Рис. 2. Вооруженные конфликты с участием государства, 1946–2018 гг.

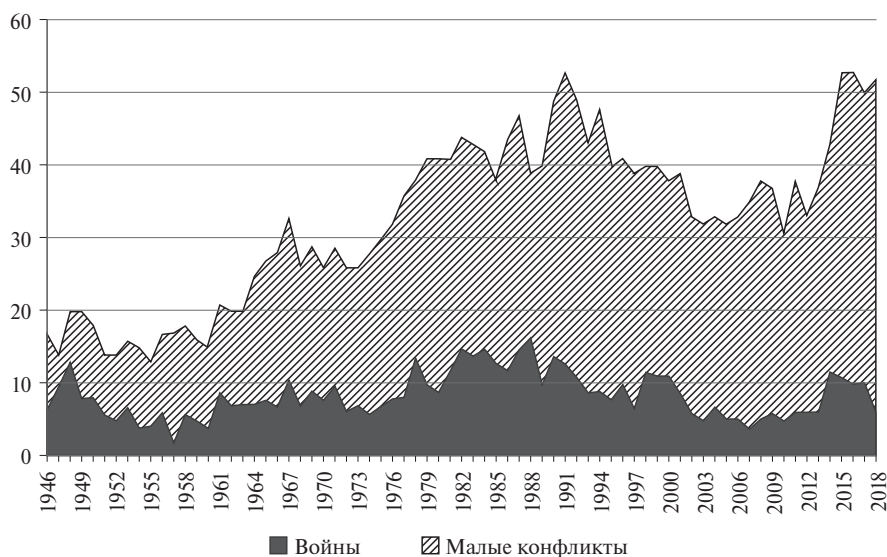
Рассчитано автором по: [11].

Однако циклическая динамика числа конфликтов в постбиполярный период не означает возврата в конце 2010-х годов к вооруженному противостоянию 30-летней давности в плане его основных типов и качественных характеристик. Три других базовых количественных параметра конфликтов с участием государства демонстрировали устойчивую тенденцию к снижению, причем в долгосрочном плане, в течение десятилетий — до полувека и больше.

Во-первых, постепенно сокращалась доля войн (особо интенсивного вида вооруженного противостояния, в ходе которого гибнет не менее 1000 человек в год) в общем числе конфликтов (рис. 3). Если

в 1950–1980-е годы войны составляли в нем почти треть (31%) [15], то в 1990-е — уже 1/4, в 2000-е — лишь 1/5 (19%), а в 2010-е — только 1/10, при этом остальные конфликты квалифицировались как малые [8]. В абсолютном измерении число войн в первые два десятилетия нового века сильно варьировалось (от 4 до 12 в год), но в процентном соотношении их доля в общем числе конфликтов продолжала сокращаться. Так, в 2018 г. фиксировалось всего шесть войн в четырех странах (Афганистане, Йемене, Сирии и Сомали).

Во-вторых, ни одна из шести войн 2018 г. (и вообще ни одна война за 15 лет с 2004 г.) не была

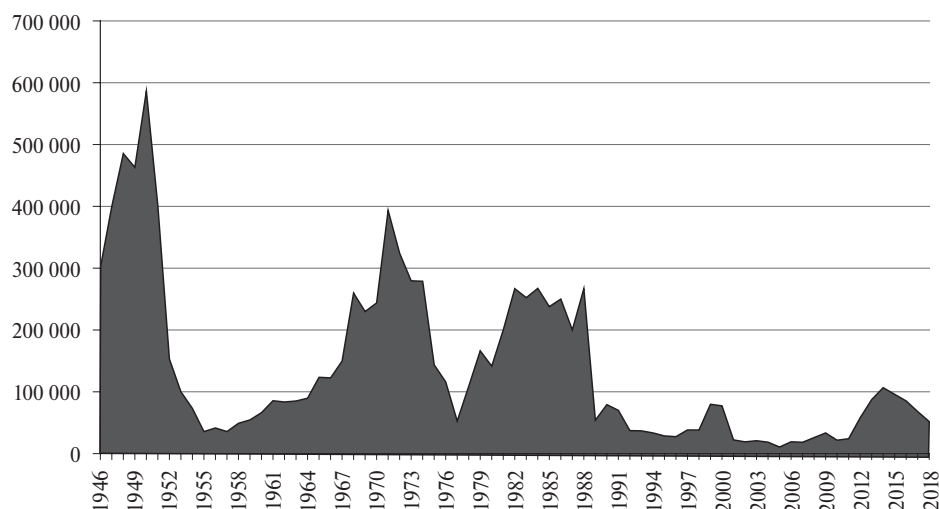
Рис. 3. Войны и малые конфликты, 1946–2018 гг.

Рассчитано автором по: [8; 11; 15].

Рис. 4. Конфликты с участием государства, по типу, 1946–2018 гг.

Рассчитано автором по: [11].

Рис. 5. Потери убитыми в вооруженных конфликтах, 1946–2018 гг.

Примечание. По данным для конфликтов с участием государства; для тех лет, по которым в базе данных Института исследования мира в Осло отсутствует “наиболее достоверная оценка” потерь, расчеты за период 1946–1988 гг. произведены по среднему показателю между наименьшей и наивысшей оценками.

Рассчитано автором по: 1946–1988 гг. [15], 1989–2018 гг. [8].

межгосударственным конфликтом по поводу межгосударственных противоречий. Это отражает кульминацию другой долгосрочной тенденции — сокращения числа и доли конфликтов между государствами, особенно значительного на фоне заметного роста числа государств в мире во второй половине XX в. Параллельно росли число и доля внутригосударственных конфликтов. Этот процесс начался не в XXI в. и не в 1990-е годы. Еще за период с 1946 по 1991 г. число гражданских войн возросло в 12 раз, особенно с 1970-х годов, когда бывшие соратники по антиколониальным войнам стали бороться уже между собой за власть в новых постколониальных государствах, да еще и в условиях политико-идеологической поляризации эпохи холодной войны. В начале же XXI в. внутригосударственные конфликты уже практически полностью доминировали над межгосударственными (рис. 4), среднее число которых в 2010-е годы и вовсе упало до нуля-трех в год [11]. Если межгосударственные конфликты и происходили, то число убитых в них с 2004 г. было минимальным: по интенсивности все они в этот период попадали под категорию малых конфликтов [8].

Третья тенденция касается людских потерь в конфликтах, прежде всего убитыми. Их динамика носит неровный характер: за спадами следуют пики, связанные с эффектом одной или нескольких крупнейших войн с масштабными потерями. В конце XX — начале XXI в. динамика числа убитых в конфликтах также была неровной, включая три пика: в начале 1990-х годов, на рубеже веков и в середине 2010-х годов. Однако в долгосрочном плане

людские потери в конфликтах значительно сократились как в абсолютном, так и в относительном измерении (рис. 5–6).

Даже в пиковые годы численность убитых стала существенно ниже: наивысший пик за период 1990–2018 гг. пришелся на 2014 г. и составил почти 107 тыс. убитых, большая часть которых погибла в конфликте в Сирии, а также в Ираке и Афганистане. Однако число погибших в боевых действиях в пиковые годы послевоенного периода (1946–1989 гг.) было в 2.5–4.3 раза выше [15]⁴. Если в 1950–1960-е годы в вооруженных конфликтах в среднем гибло 143.5 тыс. человек в год, а в 1970–1980-е — 214 тыс., то в 2000–2018 гг. — лишь 46.6 тыс. человек в год [8; 15]. А главное, в конце XX — начале XXI в. не наблюдалось потерь, исчисляемых многими сотнями тысяч (и более миллиона) убитыми в ходе одного конфликта, которые имели место в таких крупных столкновениях послевоенного периода, как последний этап гражданской войны в Китае (1946–1949 гг.), война между Северной и Южной Кореей (1950–1953 гг.), серия войн во Вьетнаме (1955–1975 гг.) или ирано-иракская война (1980–1988 гг.).

Подчеркнем: это не мир стал более безопасным и не вооруженное насилие как таковое стало менее смертоносным — просто тот тип конфликта, на который в XX в. пришлась львиная доля людских потерь (масштабная конвенциональная война между армиями двух и более государств, или война индустриальной эпохи) отошел на второй, если не на

⁴ 461 тыс. убитых в 1949 г., 395 тыс. — в 1971 г. и 269 тыс. — в 1984 г.

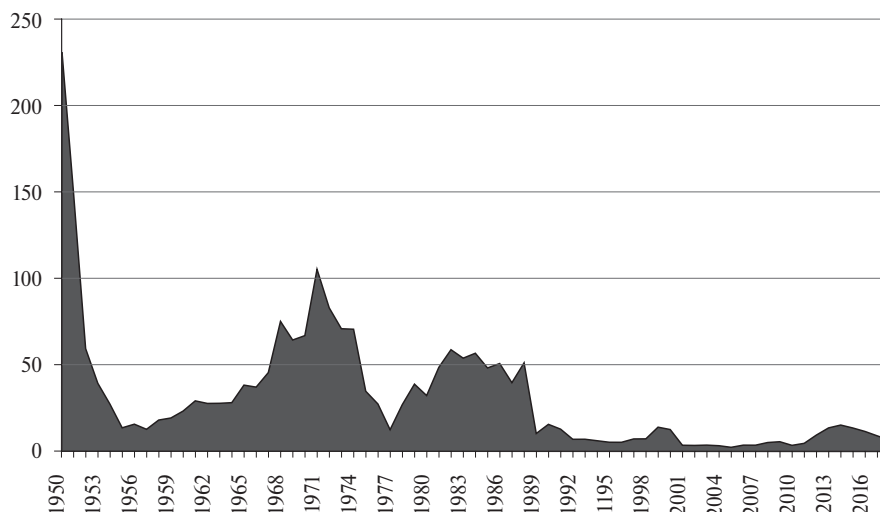

Рис. 6. Потери убитыми в конфликтах, на 1 млн человек, 1950–2018 гг.

Примечание. По данным для конфликтов с участием государства.

Рассчитано автором по: 1946–1988 гг. [15; 16], 1989–2018 гг. [8; 16].

третий план, а с ним — и свойственный ему уровень прямых потерь убитыми в ходе военных действий. Это не значит, что люди перестали массово гибнуть в зонах конфликтов. В начале XXI в. росла, например, доля погибших не обязательно в результате прямых боестолкновений между воюющими сторонами, а вне поля боя, от иных форм вооруженного насилия. Кроме того, на первый план вышли новые типы конфликтов. Хотя они в среднем менее смертоносны, чем “большие войны” XX в., они не менее проблематичны как с точки зрения совокупности своих последствий, так и в плане перспектив урегулирования.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДЕЕСПОСОБНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Два из трех основных типов современных конфликтов проходят с прямым участием государства. Первый — это локальные конфликты, как правило, возникающие на периферии частично или полностью функциональных государств, которые сохраняют дееспособность и контроль над большей частью национальной территории. Это самый распространенный тип с участием государства: в 2010-е годы таких конфликтов было до 40 в год [8; 11]. Хотя в начале XXI в. среди них оставалось несколько застарелых, длящихся десятилетиями (в Колумбии, на Филиппинах, в Мьянме), большинство все же составляли относительно непродолжительные, но часто возобновляющиеся локальные конфликты низкой интенсивности.

С одной стороны, в начале XXI в. большинство государств в асимметричных конфликтах гораздо сильнее повстанцев и в состоянии либо купировать расползание и эскалацию насилия, либо даже

постепенно “задвигать” повстанцев все дальше на периферию. Соответственно, в конфликтах этого типа у негосударственных игроков особенно мало шансов одержать победу над правительственными силами (лишь в 3% исходов в 2000–2014 гг. победа была за повстанческими силами (см. рис. 14)). С другой стороны, хотя угрозы для центральной власти от периферийных конфликтов ограничены, в случае слишком жесткой и резкой эскалации с ее стороны и попыток добиться сокрушительного разгрома и искоренения повстанцев военно-силовыми методами социально-политические, международные и гуманитарные издержки для государства могут быть весьма высоки, порой неприемлемо высоки. Поэтому нередко государства делают выбор в пользу не столько решительного и окончательного военного разгрома, сколько сдерживания таких конфликтов на минимально возможном уровне интенсивности. Это может сопровождаться, — а может и нет, — попытками заняться долгосрочным урегулированием коренных причин вооруженного противостояния, на что могут уйти годы.

Несмотря на то что в современных условиях конфликты данного типа, как правило, имеют тот или иной трансграничный аспект, они в целом локализованы, редко ведут к широкомасштабным потерям, эскалации и значительной дестабилизации международной безопасности. За некоторыми исключениями (например, в случае с кризисом с мусульманами-*рохинджа* в Мьянме, резко обострившимся в 2016–2017 гг.), они обычно не вызывают повышенного международного резонанса. Иными словами, в таких случаях дееспособное государство само в той или иной мере справляется со своей проблемой на собственной территории.

Соответственно, большинство (три четверти) этих конфликтов не интернационализированы, то есть не включают внешнюю интервенцию со стороны другого государства — в ней просто нет необходимости и/или для нее отсутствуют условия.

ИНТЕРНАЦИОАЛИЗИРОВАННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ОСЛАБЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Конфликты второго типа малочисленны, но сильно контрастируют с первым типом по масштабу, интенсивности и степени интернационализации. Речь идет всего о нескольких крупных и широко интернационализированных гражданских войнах, как правило, на территории ослабленных или разваливающихся государств (Ирак, Афганистан, Сирия, Сомали, Йемен), иногда даже формирующих целый региональный конфликтный ареал на территории более чем одного государства (сирийско-иракский ареал в середине 2010-х годов, ареал в районе Африканского Рога и т.п.). Именно на эти несколько войн в начале XXI столетия пришлось львиная доля убитых непосредственно в ходе боестолкновений между комбатантами: например, в 2018 г. на шесть войн этого типа пришлось 80% всех убитых в мире [8]. Показательно, что именно на конфликты второго типа (крупные гражданские войны, в большинстве своем сильно интернационализированные) пришлось и львиная доля террористической активности в мире в начале XXI в. [17, р. 55]. Все страны, которые становятся ареной таких конфликтов, устойчиво входят в первую десятку государств мира по числу терактов против некомбатантов и убитых в терактах [17, pp. 18-28; 18, pp. 18-24].

При этом современные “большие войны” составляют разительный контраст с крупными обычными войнами XX в. В начале нынешнего столетия это всегда сложные комплексы насилия разного типа, уровня, интенсивности и мотиваций. В них принимает участие гораздо большее число локальных и локально-региональных игроков, в основном негосударственных, а часто и значительное число внешних, как региональных, так и внерегиональных государств — участников соответствующих интервенций. Это происходит в условиях, когда монополия государства на насилие или отсутствует, или не соблюдается большинством акторов. Хотя таких интенсивных, широко интернационализированных гражданских войн очень немного, именно они несут наибольшую угрозу международной безопасности на региональном и глобальном уровнях.

Вообще на интернационализации внутренних конфликтов следует остановиться особо. Хотя

ей наиболее подвержен второй тип, она в той или иной степени затрагивает все три типа современных конфликтов. Спад классических межгосударственных войн не означает, что ничто не пришло им на смену. Эту освободившуюся нишу заполнили участвовавшие военные интервенции государств во внутренние конфликты в других странах — односторонние и многосторонние; осуществляемые при наличии соответствующего мандата со стороны ООН или международных региональных организаций либо в отсутствие такого мандата; на стороне правительственных сил или вооруженной оппозиции, а иногда — несколько параллельных интервенций на стороне как тех, так и других. Среди многочисленных примеров — интервенции США и НАТО в Косово с 1999 г.; неоднократно — Эфиопии, а затем и коалиции африканских стран в Сомали; США в Афганистане с 2001 г.; западных стран в Ливии в 2011 г.; России (с 2015 г.), коалиции во главе с США (с 2014 г.) в Сирии; коалиции во главе с Саудовской Аравией в Йемене (с 2015 г.) и т.д. Если в 1991 г. лишь 4% внутригосударственных конфликтов включали внешнюю интервенцию, то в 2000 г. — 10%, а на 2013–2018 гг., когда их доля достигла 30% (36% в 2018 г.), пришелся как абсолютный, так и относительный пик интернационализации конфликтов за весь период с 1946 г. (рис. 7). Именно рост внешних интервенций во внутреннее вооруженное противостояние объясняет резкое увеличение числа стран в мире, вовлеченных хотя бы в один конфликт за рубежом, — сейчас их больше, чем когда-либо с 1946 г.⁵

На вопрос о том, как внешняя интервенция влияет на интенсивность и смертоносность современных гражданских войн, нет однозначного ответа. В одних случаях именно она ведет к эскалации существующего внутреннего конфликта на многие годы вперед или даже провоцирует его начало (например, интервенции США в Афганистане и Ираке или западной коалиции в Ливии). В других случаях интервенция становится, скорее, вынужденной международной реакцией на разрастающийся конфликт по мере его эскалации и превращения в угрозу международной безопасности и сначала ведет к росту интенсивности последнего, но за несколько лет приводит к значительному сокращению насилия (например, в Сирии в 2010-е годы). Тем не менее в целом потери убитыми в интернационализированных внутренних конфликтах растут [8]. Кроме того, в XXI в. внешние интервенции со стороны региональных держав (Эфиопии в Сомали, Саудовской Аравии и ОАЭ в Йемене

⁵ Например, только в интернационализированном конфликте в Мали в рамках разных операций в конце 2010-х годов участвовало 60 и более государств; США только в 2018 г. были вовлечены сразу в семь интернационализированных внутренних конфликтов.

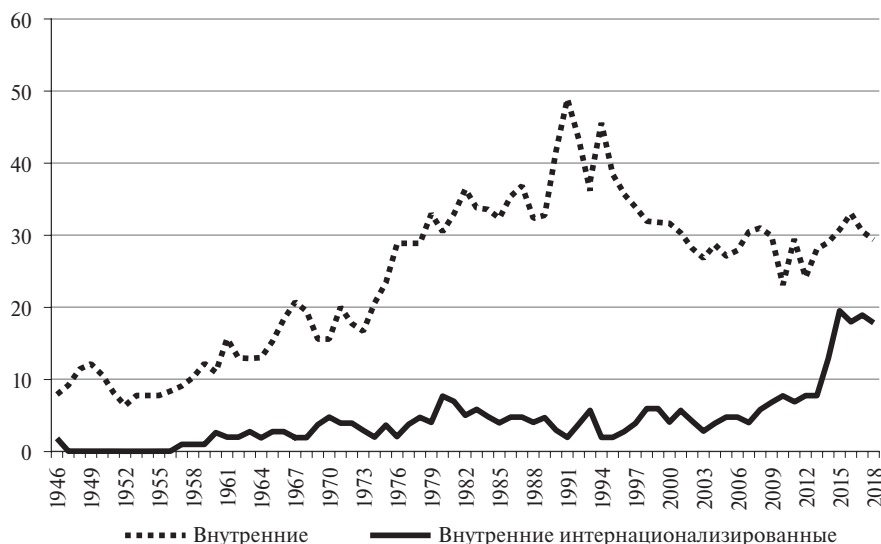

Рис. 7. Внутренние и внутренние интернационализованные конфликты, 1946–2018 гг.

Рассчитано автором по: [11].

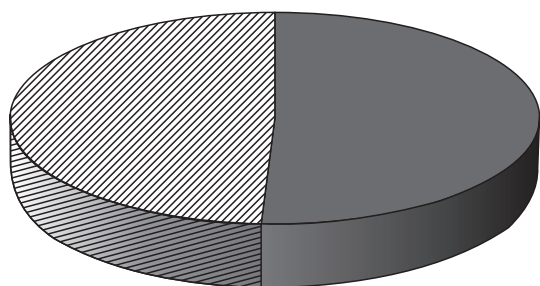
и т.п.) зачастую не менее смертоносны, чем со стороны ведущих мировых держав.

РОСТ РОЛИ ВООРУЖЕННЫХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ИГРОКОВ

Негосударственные конфликты. Третий тип современного вооруженного противостояния стал систематически изучаться лишь в XXI в., а статистика по нему, сформированная Уппсальской программой данных о конфликтах, доступна лишь за период с 1989 г. [9]. Это так называемые негосударственные конфликты (НГК), то есть противостояние негосударственных игроков между собой. На базе этой статистики выяснилось, что общее число НГК (1187 в 1989–2018 гг.) сравнимо с числом конфликтов с участием государства (1222): иными словами, за три десятилетия после оконча-

ния холодной войны почти половина конфликтов в мире проходила без прямого участия государства (рис. 8). 80% НГК за 30 лет с 1989 г. пришлось на Африку (особенно на Сомали, Судан, Нигерию и Эфиопию), за которой следовали Азия и Латинская Америка; однако с 2012 г. на второе место по числу НГК и на первое по их смертоносности вышел Ближний Восток [9].

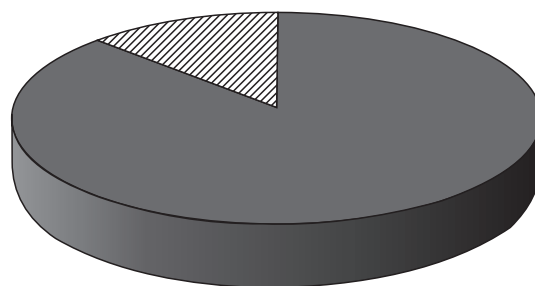
Новой тенденцией стал резкий рост числа негосударственных конфликтов 2010-е годы – в два раза: с 42 НГК в 2001 г. до пика – 84 в 2017 г. (рис. 10) на фоне 50 конфликтов с участием государства [9; 11]. Но, главное, НГК систематически стали численно преобладать над конфликтами с участием государства, причем в конце 2010-х годов – в 1.5 раза и более (в основном за счет Сирии, на которую в середине десятилетия приходилось 10–15 НГК в год, а также ДРК, ЦАР и Нигерии).

■ Конфликты с участием государства
▨ Негосударственные конфликты

Рис. 8. Конфликты с участием и без участия государства, 1989–2018 гг.

Рассчитано автором по: [9].

■ В конфликтах с участием государства
▨ В негосударственных конфликтах

Рис. 9. Потери убитыми в конфликтах с участием государства и в негосударственных конфликтах, 1989–2018 гг.

Рассчитано автором по: [9].

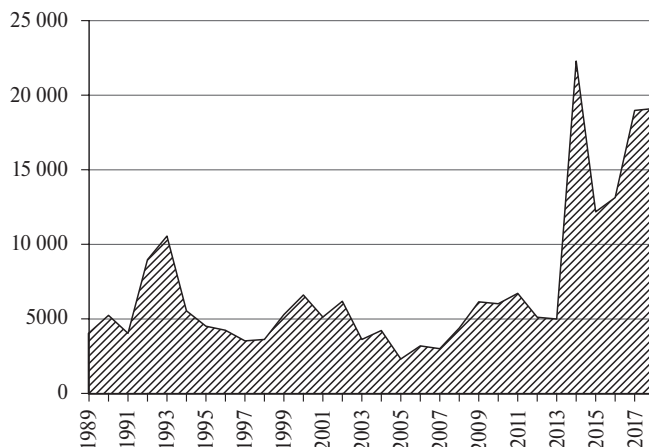
Рис. 10. Конфликты с участием государства и негосударственные конфликты, 1989–2018 гг.

Рассчитано автором по: [9; 11].

Если это принципиально новое явление продлится, то негосударственные конфликты станут самым многочисленным типом современного вооруженного противостояния. Есть, однако, одна оговорка: до сих пор значительная их часть имела место в зонах и в контексте более крупных конфликтов с участием государств, особенно второго типа – интернационализированных гражданских войн в ослабленных или разваливающихся странах, что во многом и объясняет распространение НГК в этих зонах.

Хорошая новость состоит в том, что НГК более скоротечны, а число погибших в них в 1989–2018 гг. составило чуть более 214 тыс., или около 15% от числа убитых в конфликтах с участием государства (рис. 9). Плохая новость – в том, что смертность НГК медленно, но верно растет, особенно в 2010-е годы (рис. 11); в 2018 г. она достигла пика, превысив 19 000 человек убитыми [9].

Роль негосударственных игроков в одностороннем насилии. Распространение и рост интенсивности НГК – это лишь одно из проявлений более широкой тенденции к росту роли негосударственных игроков в современных конфликтах и других формах вооруженного насилия, распространенных в конфликтных зонах. Из всех проявлений растущей вооруженной активности негосударственных игроков наибольшую тревогу вызывает принципиально новая тенденция, не имевшая аналогов в XX в. Она связана с так называемым односторонним насилием против гражданского населения, когда мирное население гибнет не в виде “побочного ущерба” от военных действий (бое столкновений), а в результате прямого и преднамеренного насилия, направленного именно на некомбатантов (например, в результате этнических и иных “чи-

Рис. 11. Потери убитыми в негосударственных конфликтах, 1989–2018 гг.

Рассчитано автором по: [9].

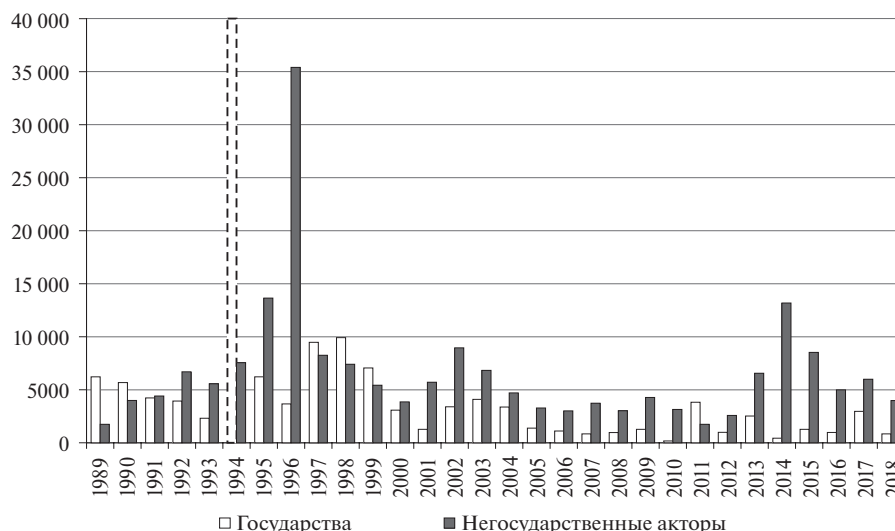
сток”, резни, других массовых зверств вплоть до геноцида, масштабных терактов и т.п.).

Большая часть одностороннего насилия в мире происходит именно в зонах и в условиях вооруженных конфликтов. В начале XXI в. негосударственные вооруженные акторы впервые стали систематически убивать больше людей, чем государства, в односторонних кампаниях против гражданского населения, причем намного больше (рис. 12). Так, с 2001 г. 70% гражданских лиц, погибших от прямого и преднамеренного вооруженного насилия, были убиты негосударственными игроками [10], а, например, в 2018 г. – 82%. Эта тенденция носит весьма устойчивый характер – она прослеживается на протяжении всего периода начиная с 2000 г., за исключением лишь одного года (2011 г.).

В рамки данной тенденции укладывается и резкий всплеск терроризма за первые полтора десятилетия нынешнего века, включая девятикратный рост числа терактов [19] и количества убитых в терактах в 9.5 раза [20, р. 33] за период с 2000 по 2014 г. – год исторического пика терроризма за весь период систематических измерений с 1970 г. (см., в частности, динамику терактов на рис. 13). Терроризм как одна из форм одностороннего насилия – специфическая тактика, доступная негосударственным игрокам и состоящая в преднамеренном насилии против гражданских лиц и иных некомбатантов как средстве оказания давления на государство и общество в политических (идеологических, религиозных) целях.

Все больше вариантов: кто, где и за что воюет? Распространяются и новые разновидности конфликтов с участием негосударственных игроков. По составу участников они традиционно подразделяются на межгосударственные и внутригосударственные (в том числе с внешней интервенцией).

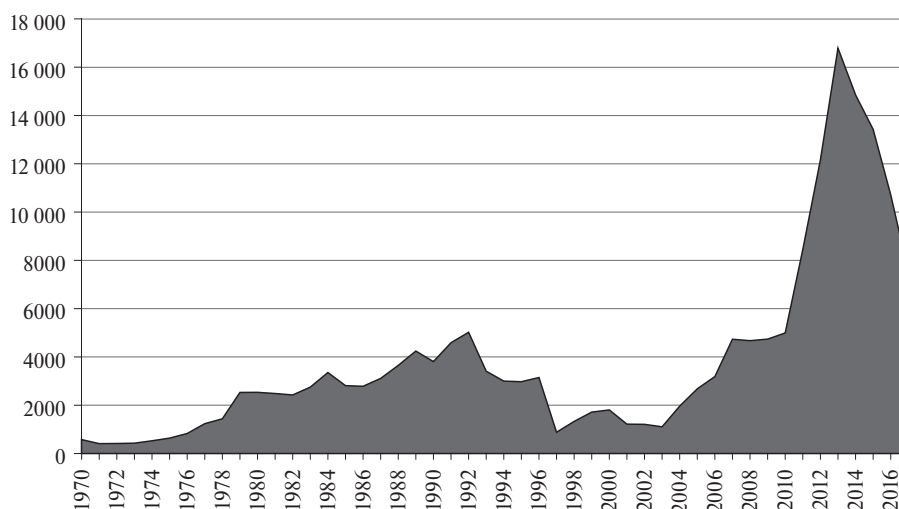

Рис. 12. Убитые государственными и негосударственными акторами в кампаниях одностороннего насилия против гражданского населения, 1989–2018 гг.

Примечание. Пунктиром обозначен резкий скачок жертв в результате геноцида в Руанде 1994 г. (500 000 убитых, согласно консервативной оценке, принятой Упсальской программой данных о конфликтах в качестве “наиболее достоверной”) [10]. Этот пик выведен за рамки графика для того, чтобы более четко проиллюстрировать статистику по остальным годам.

Рассчитано автором по: [10].

Рис. 13. Число терактов в мире, 1970–2018 гг.

Примечание. Включены только инциденты, удовлетворяющие критериям I–III определения терроризма Глобальной базы данных по терроризму.

Рассчитано автором по: [19].

В XXI столетии к ним добавилась новая категория – негосударственные конфликты. Однако ряд новых вариаций вооруженного противостояния все с большим трудом подпадает или вообще не подпадает под эти три категории.

Приведем пять примеров таких вариаций только по тому, кто и где воюет, то есть по сочетанию двух параметров – состава участников конфликта и его локации.

Во-первых, все большее распространение получают конфликты между государством и негосударственным актором, происходящим из другого государства, на территории одной из или обеих стран (например, противостояние Израиля и ливанской группировки “Хезболла” в 2006 г., столкновения Армии освобождения Бога с правительственными силами чуть ли не в каждой стране Центральной Африки, операции Турции против курдских сил в Ираке и Сирии).

Во-вторых, все чаще встречаются конфликты между государством и чужеродным негосударственным актором на территории третьей страны (когда ни та, ни другая сторона не происходит из страны, где они ведут военные действия): например, военные удары Израиля по подразделениям “Хезболлы”, но в Сирии.

В-третьих, наблюдается то же самое, но уже без прямого участия государства. Речь идет о вооруженном противостоянии двух и более негосударственных группировок, одна (или вообще ни одна) из которых не происходит из страны, на территории которой они воюют (например, противостояние “Хезболлы” и иракских шиитских милиций, с одной стороны, с ИГИЛ⁶ и другими джихадистскими группировками в Сирии, с другой).

В-четвертых, растет число вооруженных группировок, которые в буквальном смысле слова слоняются по региону, базируясь то в одной, то в другой, то в третьей стране. Наряду с известными примерами (от Армии освобождения Бога в Центральной Африке до Исламского движения Узбекистана и ряда более мелких группировок в Центральной и Южной Азии), та же судьба, по всей вероятности, ожидает остатки нигерийского радикально-исламистского движения “Боко Харам”.

В-пятых, помимо знакомой категории внешней интервенции в ход гражданской войны (на стороне правительства или повстанцев) развивается практика внешней интервенции в негосударственные конфликты, то есть на стороне одной негосударственной группировки в ее противостоянии с другой. Доля негосударственных конфликтов с внешней интервенцией в общем числе НГК невысока, но они наиболее интенсивны. Например, один только конфликт между курдскими Сирийскими демократическими силами и ИГИЛ в Сирии, с интервенцией США на стороне курдов, за четыре года (2015–2018 гг.) унес около 19 000 жизней – больше, чем любой другой НГК [9].

Распространяются новые виды конфликтов и по характеру противоречий, которые оспариваются в ходе вооруженного противостояния (“за что воюем?”). По этому признаку в таких ведущих комплексах баз данных, как Упсальская программа данных о конфликтах, они традиционно подразделялись на две широкие категории [11]. На протяжении всего послевоенного периода (с 1946 г.) наиболее ожесточенный характер, как правило, носили конфликты за контроль над государственной властью (смену власти в стране, изменение характера государственно-политического устройства), но численно преобладали те, в которых противоборствующие стороны (государства в противостоянии

между собой или сепаратистские движения в противостоянии государствам) оспаривали контроль над территорией. Иногда оба этих противоречия оспаривались в рамках одного конфликта.

Однако ряд современных конфликтов уже с трудом или вообще не подпадает ни под одну из этих категорий. За что, например, шла борьба ИГИЛ на стадии псевдохалифата в Сирии и Ираке (в 2014–2018 гг.) или противостояние Израиля и “Хезболлы” в 2006 г. – за сочетание в первом случае глобальных, а во втором – региональных амбиций с экзистенциальными (религиозно-) идеологическими императивами? Куда, например, отнести конфликты между правительственными силовыми структурами (армией, полицией и т.п.), с одной стороны, и крупными криминальными организациями, с другой, или между картелями (особенно в Мексике, Бразилии, ЮАР), если в начале XXI в. они не просто достигли уровня полноценных боестолкновений, а по интенсивности и потерям могли превосходить большинство военно-политических конфликтов? Например, по данным за 2000-е годы, интенсивность организованного вооруженного насилия в Мексике, связанного с криминальными картелями, превысила интенсивность конфликтов в Судане (с 2006 г.), Ираке (с 2007 г.) и Афганистане (с 2008 г.) [8; 12, p. 52]. В 2010-е годы одних только межкартельных (негосударственных) конфликтов в Мексике было не меньше, чем в Сирии: например, в 2018 г. их число достигло 13, причем интенсивность некоторых из них исчислялась несколькими тысячами убитых в год [9].

ФРАГМЕНТАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННОГО НАСИЛИЯ

Типология конфликтов важна, но не охватывает всех особенностей и направлений эволюции современного вооруженного насилия. Не претендуя на их полный охват, осветим лишь несколько. В методологических рамках данной статьи есть смысл сосредоточиться на тех направлениях, которые, с одной стороны, хорошо иллюстрируют меняющийся характер и динамику насилия в конфликтах, а с другой – в принципе или лучше поддаются измерению (например, по сравнению с проблематикой, связанной с ролью в конфликтах таких важных факторов, как идентичность, восприятие, идеология, социальная психология и т.п., полноценный анализ которых невозможен лишь на основе баз данных и количественных методов). Для этого необходимо спуститься на уровень ниже, к самой ткани вооруженного насилия. Отметим четыре направления изменений в его характере, которые в той или иной степени затронули современные конфликты всех трех рассмотренных выше типов.

⁶ Исламское государство в Ираке и Леванте (ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная в РФ.

Эти четыре направления лучше рассматривать парами. Первую пару составляют процессы фрагментации и одновременной транснационализации вооруженного насилия. Вторая пара — это сочетание участвовавшего возобновления ранее погасших конфликтов с затуханием многих конфликтов в отсутствие какого-либо выраженного (военного или мирного) исхода.

Фрагментация насилия ведет к снижению его интенсивности, но одновременно — к умножению и растущему многообразию вооруженных акторов в конфликтной зоне, а также к росту числа конфликтных диад (пар противоборствующих друг другу вооруженных акторов, оспаривающих одно и то же четко выраженное противоречие и приведших к гибели не менее 25 человек в год). Большинство таких вооруженных игроков — это негосударственные акторы. Они практикуют одновременно несколько форм насилия, направленного как против вооруженных оппонентов, так и против гражданского населения.

Следует подчеркнуть, что подход Уппсальской базы данных о конфликтах к изучению процесса их фрагментации носит чрезмерно узкий и формалистский характер. Он ограничивается лишь подсчетом числа диад⁷. Рост числа диад на один конфликт восходит еще к середине 1970-х годов, особенно к обострившейся борьбе за власть между различными силами и группировками в постколониальных государствах [21, р. 702]. При этом, если следовать уппсальскому подходу, больше всего диад на один конфликт приходилось в 1980-е годы, хотя и в последующие десятилетия сохранялись сравнимые показатели [22].

Однако в начале XXI в., уже в условиях “глокализации” (одновременной глобализации и локализации) мировой политики, фрагментация насилия в конфликтах принимает множество разных форм, а число вооруженных игроков в зонах конфликтов, особенно второго, а порой и первого типов (см. выше), может значительно, многократно превышать число идентифицируемых диад. Не все вооруженные негосударственные игроки в зоне конфликта напрямую противостоят правительственным силам; не все насилие, которое они применяют, носит характер прямых боестолкновений; не все они жестко организованы; не все воюют по поводу четко идентифицируемого или какого-то одного противоречия. Во многих случаях в конфликтной зоне непросто провести разграничение между убитыми в бою (в том числе гражданскими лицами, пострадавшими в виде “побочного ущерба” от военных действий между сторонами),

⁷ Например, в конфликте за контроль над центральной властью в Афганистане за период с 1979 по 2018 г. насчитывалось 14 отдельных диад.

и жертвами одностороннего или, например, криминального насилия. Даже в тех случаях, когда такое разграничение возможно, убитых в боях порой трудно с точностью отнести на счет той или иной конфликтующей стороны. Вооруженное насилие в особенно сложных, комплексных конфликтах начала XXI в. может быть настолько дробным, что уппсальским методологам, особенно в отсутствие упора на полевые исследования, проще механически объединить значительную его часть в обобщенную категорию “повстанцы”, или “оппозиционные силы”. Так, за исключением ИГИЛ и двух курдских вооруженных формирований, методологи Уппсальской базы данных о конфликтных диадах вообще отказались идентифицировать какие-либо отдельные группировки внутри вооруженной оппозиции в ходе гражданской войны в Сирии в 2010-е годы, объединив их всех в единую размытую категорию “сирийских повстанцев” и, таким образом, неоправданно занизив число конфликтных диад [22]. Между тем этих группировок насчитывались десятки, включая такие активные и относительно крупные, как Свободная сирийская армия, “Джабхат ан-нусра” (с 2017 г. “Хайят тахрир аш-Шам”), “Джейш уль-ислам”, “Ахрар аш-Шам” и т.п.

В данной статье фрагментация вооруженного насилия в современных конфликтах трактуется гораздо более широко и в зависимости от контекста может принимать разные формы, которые к тому же часто сочетаются и накладываются друг на друга. Перечислим лишь несколько из них.

Во-первых, в одной и той же конфликтной зоне может вестись вооруженное противостояние по поводу разных противоречий: например, одни вооруженные акторы борются за автономию или отделение от государства, а другие оспаривают контроль над центральной властью в нем либо воюют с правительственными силами и/или с соперничающими группировками за более справедливый, с их точки зрения, передел (раздел) власти, доступ к национальным ресурсам и т.п. Во-вторых, несколько вооруженных игроков разного масштаба, степени организации и транснационализации могут оспаривать одно и то же противоречие (например, десятки повстанческих группировок, противостоявших режиму Б. Асада в ходе гражданской войны в Сирии, или группировок сепаратистского толка в суданском Дарфуре). В-третьих, силы вооруженной оппозиции могут дробиться или быть раздроблены, участились и конфликты между повстанческими группировками. При этом современные повстанцы (за некоторыми исключениями, — например, крупной и достаточно организованной квазиармии ИГИЛ) — это уже не столько массовые партизанские армии эпохи антиколониальной борьбы, сколько сравнительно небольшие, но луч-

ше вооруженные группировки, все чаще воюющие в городских условиях. Они часто раскалываются, сливаются, конфликтуют с соперничающими вооруженными игроками разных типов или сотрудничают с ними. В-четвертых, сами государства все чаще полагаются в ведении вооруженной борьбы, особенно на локальном уровне, на аффилированные с ними, но вполне автономные военизированные формирования лоялистского толка, включая различные племенные, этноконфессиональные “силы самообороны”. Подчеркнем, что в данном случае речь не о профессиональных наемниках или коммерческих частных военных компаниях, тем более иностранных, а именно об автохтонных игроках, которые по тем или иным причинам решают воевать на стороне государства (центральной власти), а не против него. Примерами служат: ополчение “джанджавид” в Дарфуре, местные проправительственные силы самообороны (“шабиха”) в Сирии, проамериканские суннитские формирования или шиитский Корпус Бадра в Ираке, кадры в Чечне (до того, как они стали силовыми структурами Чеченской республики в составе РФ), правонационалистические батальоны на Донбассе и т.д. Именно беспрецедентное распространение двух последних тенденций в значительной мере объясняет рост числа негосударственных конфликтов.

Все это многообразие участников конфликтов не существует в каком-то вакууме, а варится в своеобразном “сиропе”, или “болоте”, которое составляет “фоновое” вооруженное насилие более низкого уровня. Таким фоном служит активность формирований локальных полевых командиров (местных “князьков”, кланово-племенных объединений, полукриминальных банд), которых обычно мало интересует политическая сторона вооруженного конфликта между государством и повстанцами или между основными повстанческими (либо квазигосударственными) группировками. В отличие от последних, эти локальные акторы воюют исключительно за контроль над властью, ресурсами и населением на местном уровне. Такое диффузное, “местническое” насилие менее интенсивно, но может длиться значительно дольше, чем сам вооруженный конфликт. Более того, если подобное локально-полевое насилие провоцирует или накладывается на менее организованные, (полу)спонтанные, но более массовые межобщинные столкновения, оно может повлечь за собой большие жертвы среди населения.

Чем сильнее фрагментация насилия, тем большими оппортунистами становятся его участники, тем чаще переходят с одной стороны на другую (и обратно). Хотя далеко не все эти акторы воюют напрямую друг против друга, практически все они в той или иной степени вовлечены в (полу)

криминальное насилие и в одностороннее насилие против гражданского населения.

Транснационализация. Фрагментация вооруженного насилия более не равнозначна его локализации. Специфика “глокализирующегося” мира – в том, что в XXI в. фрагментированное насилие в конфликтных зонах не меньше, а сильнее подвержено транснационализации. Хотя может показаться, что фрагментация и транснационализация – это противонаправленные процессы, в современных условиях они не просто взаимосвязаны, а усиливают друг друга.

В условиях, когда в глобализирующемся мире значительная часть конфликтов, терроризма и иного вооруженного насилия в той или иной мере транснационализована, основное значение приобретают не сам факт транснационализации, а ее качественная степень, уровень и масштаб. Тем не менее преобладающей из двух наиболее распространенных форм транснационализации насилия в современных конфликтах является трансграничная. Это стандартное, повсеместное и практически неизбежное выплескивание части насилия и перенос некоторых, как минимум, вспомогательных функций негосударственных, а в отдельных случаях и государственных вооруженных акторов за пределы государственных границ, как минимум, в приграничные зоны соседних стран.

Вторая, более продвинутая степень транснационализации конфликтов – это их регионализация. Спектр ее проявлений в начале XXI в. широк – от абсолютного преобладания региональных игроков (движений, применяющих вооруженное насилие, а порой и базирующихся в масштабе региона) среди наиболее крупных и смертоносных негосударственных комбатантов, которые одновременно являются основными террористическими акторами [17, pp. 14-17; 18, pp. 15-17; 20, p. 39; 23; 24; 25], до превращения всех конфликтов второго типа (интернационализованных гражданских войн в ослабленных государствах) в региональные прокси-войны.

Значительно реже вооруженное насилие приобретает трансрегиональный характер, что, как правило, резко увеличивает шансы на внешнюю интервенцию в конфликт со стороны внерегиональных держав. Одним из наиболее ярких примеров стал феномен массового притока 40–50 тыс. иностранных боевиков-террористов в ряды ИГИЛ и других вооруженных джихадистских группировок в Сирии и Ираке, в основном из регионов Ближнего и Среднего Востока, Евразии и Европы⁸, и их

⁸ В отличие от меньшего числа иностранных моджахедов в Афганистане в 1980-е годы, в мобилизации и финансировании которых значительная или ведущая роль принадлежала внерегиональным и региональным государствам.

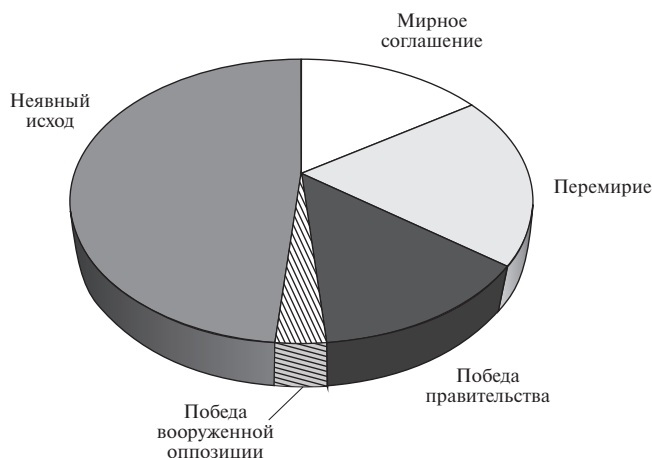

Рис. 14. Исходы конфликтов, 2000–2014 гг.

Рассчитано автором по: [30].

последующей внутри- и трансрегиональной циркуляции [18, pp. 62-63; 20, pp. 45-48; 26]. Еще реже встречаются игроки, претендующие на глобальный охват. При всем внимании с середины 2010-х годов к феномену ИГИЛ его сложная организационно-идеологическая структура, построенная по принципу “центрифуги”, все же была сильно завязана на территориальное, физическое квазигосударственное ядро (“халифат”) в Сирии и Ираке [23]. На этом фоне особого внимания заслуживает несколько подзабытый феномен “Аль-Каиды” как поистине экстерриториальной, полностью транснационализированной сети, не привязанной в начале XXI в. к какому-то одному центральному ядру или лишь к какой-то одной либо нескольким конфликтным зонам [27; 28].

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ И НЕЯВНЫЕ ИСХОДЫ КОНФЛИКТОВ

Современные многослойные, фрагментированные конфликты труднее поддаются урегулированию. Об этом свидетельствует и высокий уровень их возобновления. Число возобновившихся конфликтов, которые считались завершенными, стало устойчиво превышать число новых конфликтных эпизодов с середины 1990-х годов. Через 20 лет, в середине 2010-х годов, это соотношение уже составляло более 2:1, в основном в результате участвовавшего возобновления конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары [29, pp. 2-3].

Для того чтобы возобновиться, конфликт сначала должен как-то закончиться, прерваться, иметь какой-то исход. В 1950–1970-е годы в качестве исхода конфликтов в мире еще преобладали военные решения [30]. Однако с ростом числа гражданских войн военных побед стало все меньше. С дальнейшей фрагментацией и деструктуризацией конфликтов эта тенденция только усили-

лась: в XXI в. лишь 16% исходов составили военные победы (рис. 14). При этом, вопреки устойчивому заблуждению пацифистов и иных неоидеалистов, существующая статистика свидетельствует о том, что военное решение конфликта (разгром и/или подрыв вооруженного потенциала противника) оставалось самым устойчивым: например, за период с 1946 по 2004 г. лишь 18.3% военных исходов гражданских войн вело к их возобновлению в течение пяти лет [31, pp. 173-175].

Параллельно сокращению числа военных побед стало расти число мирных процессов и исходов вооруженного противостояния, достигнутых в результате переговоров (соглашений о мире или перемирии). В годы холодной войны их доля для внутрисостоятельных конфликтов не превышала 20% всех исходов [31, p. 174]. Хотя мирные решения по статистике менее устойчивы, чем военные, соглашения о мире и перемирии все же срабатывают в среднем в двух третях случаев. Так, в 1946–2004 гг. лишь около 35% всех решений гражданских войн, достигнутых путем переговоров, вели к возобновлению конфликта в течение пяти лет (рассчитано по: [31, p. 175]).

В 2000–2014 гг. мирные решения конфликтов составляли уже около 35% всех исходов (рис. 14). Однако пик числа мирных соглашений (18–19 в год) за период 1975–2018 гг. пришелся отнюдь не на начало XXI в., а на предыдущий пик конфликтов начала 1990-х годов [32], который тем не менее сопровождался существенной разрядкой международной напряженности, по крайней мере на макроуровне мировой политики, после окончания холодной войны. Тогда же было больше всего реально успешных мирных исходов – в 7 раз больше, чем на новом пике конфликтности в середине 2010-х годов, который не сопровождался пропорциональным скачком числа мирных договоренностей [11; 30]. Важно, что как военные, так и мирные исходы наиболее вероятны в относительно структурированных конфликтах с минимальным числом игроков, а это на современном этапе встречается все реже.

Неудивительно, что оба типа какого-то явно выраженного исхода конфликтов уступают третьему варианту – неявному затуханию насилия, которое как бы “рассасывается” само по себе, в отсутствие решения как такового. При подобном угасании вооруженное насилие редко прекращается полностью, а как бы зависит на очень низком уровне (менее 25 убитых в год). Суть таких неявных исходов хорошо передает крылатое выражение “ни мира, ни войны...”⁹. Однако в 2000–2014 гг. именно они достигли почти половины (48%) всех исхо-

⁹ Из выступления народного комиссара иностранных дел Л.Д. Троицкого на переговорах в Брест-Литовске 10 февраля 1918 г.

дов конфликтов (рис. 14). Стоит ли удивляться, что именно такие недоурегулированные или самоурегулирующиеся конфликты наиболее склонны к возобновлению?

* * *

Вооруженное насилие в современном мире не находится на спаде — оно просто меняет свои основные формы и проявления. Многие старые вызовы в этой сфере, типичные для войн индустриальной эпохи, отходят на второй план. Сократились число межгосударственных конфликтов и доля крупных войн; ушли в прошлое войны с миллионными жертвами. В среднем масштаб людских потерь в ходе военных действий в начале XXI в. существенно ниже, чем даже во второй половине XX в., не говоря уже о его первой половине, на которую пришлось две мировые войны.

В то же время на первый план выходит вооруженное противостояние новых типов: относительно широко распространенные локальные конфликты на периферии дееспособных государств, небольшое число очень интенсивных интернационализированных гражданских войн в ослабленных или недееспособных государствах, как правило, претендующих на региональный масштаб, а также негосударственные конфликты.

Возникают и распространяются новые вызовы, связанные с характером и динамикой вооруженного насилия в таких конфликтах; составом их участников и тем, где и с кем они воюют; типами оспариваемых противоречий; сочетанием вооруженного противостояния между комбатантами с прочими видами насилия, распространенными в конфликтных зонах (терроризмом и другим односторонним насилием против гражданского населения, криминальным насилием и т.п.). К наиболее серьезным из таких новых вызовов начала XXI столетия можно отнести следующие. Во-первых, это рост числа, доли и смертоносности интернационализированных внутрисубъективных войн и негосударственных конфликтов. Во-вторых, возрастание роли негосударственных игроков как непосредственно в вооруженном противостоянии, так и в насилиии против гражданского населения, распространение новых разновидностей конфликтов с их участием. В-третьих, высокая степень возобновляемости конфликтов и преобладание их неявных исходов свидетельствуют о проблемах с их устойчивым урегулированием. Современные конфликты в среднем менее интенсивны, но труднее поддаются регулированию и устойчивому решению — будь то военными методами, путем переговоров или совокупностью этих методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Wallensteen P. *Understanding Conflict Resolution*. 5th ed. London, Sage, 2019. 352 p.
2. *Methodology*. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/methodology/> (accessed 20.01.2020).
3. Höglund K., Öberg M., eds. *Understanding Peace Research: Methods and Challenges*. London, New York, Routledge, 2011. 228 p.
4. LaFree G. Using Open Source Data to Track Worldwide Terrorism Patterns. *Pathways to Peace and Security*, 2017, no. 1 (52), Special Issue “Addressing Terrorism, Violent Extremism and Radicalization: Perspectives from Russia and the United States”, pp. 64-76. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-64-76
5. Wallensteen P., Wierviorka M., Aggestam K., Bellamy A., et al. Violence, Wars, Peace, and Security. *Rethinking Society for the 21st Century. Vol. 2: Political Regulation, Governance and Societal Transformations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018, pp. 411-456. DOI: 10.1017/9781108399647.003
6. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. 2nd ed. Stanford, Stanford University Press, 2007. 256 p.
7. De Waal T., ed. *Think Peace: Essays for an Age of Disorder*. Washington D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 64 p.
8. *UCDP Battle-Related Deaths Dataset version 19.1*. 1989–2018. Uppsala Conflict Data Program (UCDP). Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#battlerelated> (accessed 20.01.2020).
9. *UCDP Non-State Conflicts Dataset version 19.1*. 1989–2018. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#nonstate> (accessed 20.01.2020).
10. *UCDP One-sided Violence Dataset version 19.1*. 1989–2018. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#onesided> (accessed 20.01.2020).
11. *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 19.1*. 1946–2018. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden); Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict> (accessed 20.01.2020).
12. *The Decline in Global Violence: Evidence, Explanation and Contestation*. Human Security Research Group Report. Simon Fraser University. Vancouver, Human Security Press, 2013. 118 p.

13. Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York, Viking, 2011. 832 p.
14. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Oxford, Free Press, 1992. 418 p.
15. *The Battle Deaths Dataset version 3.1*. 1946–2008. Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway). Available at: <https://www.prio.org/Data/Armed-Conflict/Battle-Deaths/The-Battle-Deaths-Dataset-version-30/> (accessed 20.01.2020).
16. *World Population Statistics: Total Population Estimates, 1950–2020*. Department of Economic and Social Affairs. United Nations. Available at: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx) (accessed 20.01.2020).
17. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney, Institute of Economics and Peace, 2019. 97 p.
18. *Global Terrorism Index 2018: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney, Institute of Economics and Peace, 2018. 86 p.
19. *Global Terrorism Database*. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). University of Maryland (USA). Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/access> (accessed 30.01.2020).
20. *Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Sydney, Institute of Economics and Peace, 2015. 107 p.
21. Harbom L., Melander E., Wallensteen P. Dyadic Dimensions of Armed Conflict, 1946–2007. *Journal of Peace Research*, 2008, vol. 45, no. 5, pp. 697–710. DOI: 10.1177/0022343308094331
22. *UCDP Dyadic Dataset version 19.1*. 1946–2018. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#dyadic> (accessed 20.01.2020).
23. Stepanova E. Regionalization of Violent Jihadism and Beyond: the Case of Daesh. *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*, 2016, vol. 2, no. 2: Religious Fundamentalism, pp. 30–55. DOI: 10.14220/jrat.2016.2.2.30
24. Stepanova E. Transnational Islamist Terrorism: Network Fragmentation and Bottom-up Regionalization. *Global Terrorism Index 2014*. Sydney, Institute of Economics and Peace, 2014, pp. 74–78.
25. Stepanova E. Global Terrorism and Antiterrorism after ISIS: Two Key Aspects That Will Not Change Soon. *Global Terrorism Index 2019*. Sydney, Institute of Economics and Peace, 2019, pp. 71–73.
26. *The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters: Research Perspectives*. (CTED) Trends Report. United Nations Security Council, Counterterrorism Executive Directorate. New York, March 2018. 20 p. Available at: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/04/CTED-Trends-Report-March-2018.pdf> (accessed 30.01.2020).
27. Sageman M. *Leaderless Jihad: Understanding Terror Networks in the Twenty-First Century*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008. 208 p.
28. Stepanova E. The Evolution of the al-Qaeda-type Terrorism: Networks and Beyond. *Dynamics of Political Violence: A Process-Oriented Perspective on Radicalization and the Escalation of Political Conflict*. Bossi L., Demetriou C., Malthaner S., eds. Farnham, VA, Ashgate, 2014, pp. 288–305.
29. Gates S., Nygård H., Trappeniers E. Conflict Recurrence. *Conflict Trends Series*, 2016, no. 2. Available at: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=9&type=publicationfile> (accessed 30.01.2020).
30. *UCDP Conflict Termination Dataset version 2–2015*. 1946–2014. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed 20.01.2020).
31. *Human Security Report 2012*. Human Security Research Group Report. Vancouver, Human Security Press, 2012. 230 p.
32. *UCDP Peace Agreement Dataset*. 1975–2018. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement> (accessed 20.01.2020).

**ARMED CONFLICTS IN THE EARLY 21ST CENTURY:
TYPOLOGY AND DIRECTIONS OF TRANSFORMATION**

(*World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 24–39)

Received 03.02.2020.

Ekaterina A. STEPANOVA (stepanova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The fact that, in 2015–2018, the world faced roughly the same peak number of state-based conflicts as 30 years earlier, during the collapse of the bipolar system, does not mean it faced the same conflict patterns. In the early 21st century, the main patterns of armed conflicts evolved significantly, to the point that it is fair to claim: the war of the industrial age – large-scale, direct confrontation between conventional armies of two or more states – all but faded away. While the article briefly reviews long-term decline in old challenges (share of major wars, number and share of inter-state conflicts, battle-related deaths), its main focus is on new types and patterns of armed conflict that either did not clearly manifest themselves, or had no parallels or analogues in the 20th century. On the basis of analysis of lead academic datasets on conflicts and other types of violence linked to and widespread in conflict areas, a typology of contemporary conflicts is formulated and several main trends are identified. To a varying extent, these trends af-

fect and permeate all three main types of conflict of the early 21st century. The first, widespread type is comprised by localized state-based conflicts of limited intensity, mostly on the periphery of functional states that keep overall control of the national territory. 3/4 of such conflicts are not internationalized; most respective states are strong enough to contain escalation of violence, but often not enough to afford a decisive crackdown, which leaves such peripheral violence hovering at a low level. In contrast, the second type is comprised of very few larger, more intense, heavily transnationalized civil wars, mostly in weak, failed, dysfunctional or proxy states, with major external interventions (such as Iraq, Afghanistan, Syria, Somalia, or Yemen). These conflicts produce a lion's share of battle-related deaths worldwide. The same conflict areas also account for the bulk of terrorist attacks and fatalities. In a 30-year period since 1989, conflicts of the third type fought between non-state actors comprised almost half of all armed conflicts. While shorter, less intense and often linked to and co-located with the type two conflicts, non-state conflicts started to systematically outnumber state-based conflicts in the 2010s. The article identifies several disturbing new challenges. Two out of three main types of contemporary conflict – internationalized civil wars and non-state conflicts – and related battle deaths are on the rise. Armed non-state actors multiply, diversify and play a growing role in both combat and other armed violence (one-sided violence against civilians, including terrorism, predatory violence). Violence in armed conflicts becomes more fragmented, in more ways than one, and transnationalized at the same time. New variations of conflict, by type of contested incompatibility and by combination of actors and location, emerge and spread. They include: conflicts fought between state and foreign non-state actor, in one of their two countries or in a third country; conflicts between non-state actors, one or none of which originates from the country where they are fighting; the phenomenon of violent, often cross-border, localized power-play that can last longer than the main conflict dyad(s). High rates of conflict recurrence are closely linked to prevalence of unstable and inconclusive “no war, no peace” conflict outcomes. While conflicts of the early 21st century are on average less intense, they are harder to manage by either traditional military means and structures, or through negotiations, or by a combination of the two.

Keywords: armed conflicts, battle-related deaths, localized peripheral conflicts, internationalized civil wars, non-state conflicts and actors, fragmentation, transnationalization, conflict recurrence, unclear outcomes, databases.

About author:

Ekaterina A. STEPANOVA, Professor, Russian Academy of Sciences; Doctor of Political Science, Leading Researcher, Head of Peace and Conflicts Studies Group.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39